

Максим Горький

Н. А. Бугров

Максим Горький

Н. А. Бугров

Серия «Заметки из дневника.

Воспоминания», книга 8

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=640465

Аннотация

«...В 1901 году, выпустив меня из тюрьмы, начальство применило ко мне очень смешную меру «предупреждения и пресечения преступлений» – домашний арест. В кухню моей квартиры посадили полицейского, в прихожую – другого, и я мог выходить на улицу только в сопровождении одного из них...»

Максим Горький

Н. А. Бугров

...В 1901 году, выпустив меня из тюрьмы, начальство при-
менило ко мне очень смешную меру «предупреждения и
пресечения преступлений» – домашний арест. В кухню мо-
ей квартиры посадили полицейского, в прихожую – другого,
и я мог выходить на улицу только в сопровождении одного
из них.

Кухонный страж помогал кухарке носить дрова, чистить
овощи, мыть посуду; страж прихожей открывал двери посе-
тителям, раздевал их, подавал галоши, а когда у меня никого
не было, он, заткнув неуклюжей фигурой своей дверь в мою
комнату, спрашивал бабьим голосом:

– Господин Горьков, – извините! – как же это? Говорится:
небеса, небесный, а – вдруг: бес основания? Какое же осно-
вание? Основание грехов наших?

Изрытое оспой лицо солдата украшал тупой нос, дряблый,
как губка, под носом торчали кустики чёрной шерсти, рако-
вина его левого уха была разорвана поперёк, левый глаз ко-
сил, забегая в сторону уха.

– Люблю читать жития священномучеников, – говорил он
тонким голосом и почему-то виноватым тоном. – Необычно-
венные слова там попадают...

И конфузливо спрашивал:

– А – извините! – непóрочный значит непоротый? Примерно: непóрочная дева?

Наскоро объяснив ему различие между поркой и пороком, я просил:

– Вы, пожалуйста, не мешайте мне.

– Хорошо, – благосклонно говорил он. – Ничего, пишете...

И через пять, десять минут снова звучал раздражающий голосок:

– А – извините меня...

Однажды, часов в семь утра, я был разбужен его словами:

– Спит ещё, на свету лег...

Чей-то другой голос спросил:

– И ночью сторожишь?

– А как же? По ночам они и действуют...

– Буди. Скажи – Зарубин пришёл.

Через четверть часа предо мною сидел, кашляя и задыхаясь, старик Зарубин, тяжёлая голова его тряслась, он отирал бороду клетчатым платком и, глядя в лицо мне выцветшими глазами, сипло говорил:

– Знакомиться с личностью твоей пришёл. Хотел я в тюрьму к тебе придти, – прокуроришко не пустил.

– Зачем это нужно было вам?

Он хитроумно подмигнул мне:

– Надобно их тревожить, владык наших, воевод этих! Они думают – нет сопротивления им в делах незаконных. А я

вот показываю: врѐте, есть сопротивление!

Оглядел комнату прищуренными, красными глазами кролика.

– Не богато однако живѐшь, скудно. А слух идѐт – большие деньги даны тебе иностранцами за книгу Гордеева, за позор купечества нашего. Ну, всё-таки книга, стоящая внимания; хоша и сочинение – а правда есть! Читают её согласно; верно, говорят, списал, народ мы – такой! Яков Башкиров хвастает: «Маякин – это я! С меня списано, вот смотрите, каков я есть умный». Бугров даже читал, Николай Александров. «Книжка, говорит, для нас действительно горькая!» Я ведь вроде как бы от него и пришѐл: почѐт тебе! Не верит он, что ты из простых, даже будто из босяков, хочет самолично поглядеть на тебя. Одевайся, едем к нему чай пить.

Ехать к Бугрову я отказался, это очень рассердило старика, он тяжело встал со стула, мотая трясущейся головою и брызгая слюной.

– Гордость твоя – глупая! Бугров не грешнее таких, какой ты есть. А что из дома выходить без полицейского не велено тебе, так ему, Бугрову, наплевать густо на законы и запреты ваши.

И, не простясь, старик ушѐл, сердито шаркая ногами. Провожая его, полицейский спросил:

– Несогласие обнаружено?

Зарубин крикнул на него:

– А ты – молчи!..

Миллионер, крупный торговец хлебом, владелец паровых мельниц, десятка пароходов, флотилии барж, огромных лесов, – Н. А. Бугров играл в Нижнем и губернии роль удельного князя.

Старообрядец «беспоповского согласия», он выстроил в поле, в версте расстояния от Нижнего, обширное кладбище, обнесённое высокой, кирпичной оградой, на кладбище – церковь и «скит», – а деревенских мужиков наказывали годом тюрьмы по 103 статье «Уложения о наказаниях уголовных» за то, что они устраивали в избах у себя тайные «молельни». В селе Поповке Бугров возвёл огромное здание, богадельню для старообрядцев, – было широко известно, что в этой богадельне воспитываются сектанты-«начётники». Он открыто поддерживал тайные сектантские скиты в лесах Керженца и на Иргизе и вообще являлся не только деятельным защитником сектантства, но и крепким столпом, на который опиралось «древнее благочестие» Поволжья, Приуралья и даже некоторой части Сибири.

Глава государственной церкви, нигилист и циник Константин Победоносцев, писал – кажется в 1901 году – доклад царю о враждебной, антицерковной деятельности Бугрова, но это не мешало миллионеру упрямо делать своё дело. Он говорил «ты» взбалмошному губернатору Баранову, и я видел, как он, в 96 году, на всероссийской выставке, дружески хлопал по животу Витте и, топая ногою, кричал на министра

двора Воронцова.

Был он щедрым филантропом: выстроил в Нижнем хороший ночлежный дом, огромное, на 300 квартир, здание для вдов и сирот, прекрасно оборудовал в нём школу, устроил городской водопровод, выстроил и подарил городу здание для городской думы, делал земству подарки лесом для сельских школ и вообще не жалел денег на дела «благотворения».

Дед мой сказывал мне, что отец Бугрова «разжился» фабрикой фальшивых денег, но дед обо всех крупных купцах города говорил как о фальшивомонетчиках, грабителях и убийцах. Это не мешало ему относиться к ним с уважением и даже с восторгом. Из его эпических повестей можно было сделать такой вывод: если преступление не удалось – тогда это преступление, достойное кары; если же оно ловко скрыто – это удача, достойная хвалы.

Говорили, что Мельников-Печерский [в] «В лесах» под именем Максима Потапова изобразил отца Бугрова; я так много слышал плохого о людях, что мне было легче верить Мельникову, а не деду. О Николае Бугрове рассказывали, что он вдвое увеличил миллионы отца на самарском голоде начала восьмидесятых годов.

Обширные дела свои Бугров вёл сам, единолично, таская векселя и разные бумаги в кармане поддевки. Его уговорили завести контору, взять бухгалтера; он снял помещение для конторы, богато и солидно обставил его, пригласил из Моск-

вы бухгалтера, но никаких дел и бумаг конторе не передал, а на предложение бухгалтера составить инвентарь имущества задумчиво сказал, почёсывая скулу:

– Это – большое дело! Имущества у меня много, считать его – долго!

Просидев месяца три в пустой конторе без дела, бухгалтер заявил, что он не хочет получать деньги даром и просит отпустить его.

– Извини, брат! – сказал Бугров. – Нет у меня времени конторой заниматься, лишняя она обуза мне. У меня контора вся тут.

И, усмехаясь, он хлопнул себя ладонью по карману и по лбу.

Я часто встречал этого человека на торговых улицах города: большой, грузный, в длинном сюртуке, похожем ни поддевку, в ярко начищенных сапогах и в суконном картузе, он шёл тяжёлой походкой, засунув руки в карманы, шёл встречу людям, как будто не видя их, а они уступали дорогу ему не только с уважением, но почти со страхом. На его красноватых скулах бессильно разрослась серенькая бородка мордвина, прямые, редкие волосы её, не скрывая маленьких ушей, с приросшими мочками, и морщин на шее, на щеках, вытягивали тупой подбородок, смешно удлинняя его. Лицо – неясное, незаконченное, в нём нет ни одной черты, которая, резко бросаясь в глаза, навсегда оставалась бы в памяти. Такие неуловимые, как бы нарочито стёртые, безглазые лица часто

встречаются у людей верхнего и среднего Поволжья, – под скучной, неопределённой маской эти люди ловко скрывают свой хитрый ум, здравый смысл и странную, ничем необъяснимую жестокость.

Каждый раз, встречая Бугрова, я испытывал волнуемое, двойственное чувство – напряжённое любопытство сочеталось в нём с инстинктивной враждой. Почти всегда я принуждал себя вспоминать «добрые дела» этого человека, и всегда являлась у меня мысль:

«Странно, что в одном и том же городе, на узенькой полоске земли могут встречаться люди столь решительно чуждые друг другу, как чужды я и этот „воротило“».

Мне сообщили, что будто, прочитав мою книжку «Фома Гордеев», Бугров оценил меня так:

– Это – вредный сочинитель, книжка против нашего соловия написана. Таких – в Сибирь сослать, подальше, на самый край...

Но моя вражда к Бугрову возникла за несколько лет раньше этой оценки; её воспитал ряд таких фактов: человек этот брал у бедняков родителей дочь, жил с нею, пока она не надоедала ему, а потом выдавал её замуж за одного из сотен своих служащих или рабочих, снабжая приданым в три, пять тысяч рублей, и обязательно строил молодожёнам маленький, в три окна, домик, ярко окрашенный, крытый железом. В Сейме, где у Бугрова была огромная паровая мельница, такие домики торчали на всех улицах. Новенькие, уютные,

с цветами и кисейными занавесками на окнах, с зелёными или голубыми ставнями, они нахально дразнили людей яркостью своих красок и как бы нарочито подчёркнутым однообразием форм. Вероятно, эти домики, возбуждая воображение и жадность, очень способствовали развитию торговли девичьим телом.

Забава миллионера была широко известна, – на окраинах города и в деревнях девицы и парни распевали унылую песню:

Наверно, ты Бугрова любишь,
Бугрову сердце отдала;
Бугрову ты верна не будешь,
А мне – по гроб страдать дала!

На одной из таких «испробованных девиц» женился мой знакомый машинист, тридцатилетний вдовец, охотник по птице и птицелов, автор очень хорошего рассказа о жизни пернатых хищников, напечатанного, кажется, в журнале «Природа и охота».

Хороший, честный человек, он так объяснял мотивы женитьбы:

– Жалко девушку, обижена, а – хорошая девушка! Не скрою: за ней четыре тысячи приданого и домик. Это – меня подкупает. Буду жить тихо, учиться начну, писать...

Через несколько месяцев он начал пить, а на масленице был избит в пьяной драке и вскоре помер. Незадолго перед

этим он прислал мне рукопись рассказа о хитростях лисы в её охоте за лесной птицей, – помню, рассказ был начат так:

«Ярко и празднично одет осенний лес, а дышит он унынием и гнилью».

Ко мне пришла женщина, возбуждённая почти до безумия, и сказала: её близкий друг заболел в далёкой ссылке, у Полярного круга. Она должна немедленно ехать к нему, нужны деньги. Я знал, что речь идёт о человеке недюжинном, но у меня не было крупной суммы, нужной на поездку к нему.

Я пошёл к чудаковатому богачу Митрофану Рукавишникову; этот маленький, горбатый человечек жил, – как Дезэссент, герой романа Гюйсманса, – выдуманной жизнью, считая её очень утончённой и красивой: он ложился спать утром, вставал вечером, к нему ночами приходили друзья: директор гимназии, учитель института благородных девиц, чиновник ведомства уделов, они всю ночь пили, ели, играли в карты, а иногда, приглашая местных красавиц «свободной жизни», устраивали маленькие оргии.

В полумраке кабинета, тесно уставленного мебелью из рога техасских быков, в глубоком кресле, сидел, окутав ноги пледом, горбун с лицом подростка; испуганно глядя на меня тёмными глазами, он молча выслушал просьбу дать мне денег взайём и молча протянул двадцать пять рублей. Мне было нужно в сорок раз больше. Я молча ушёл.

Дня три бегал по городу, отыскивая деньги, и, случайно

встретив Зарубина, спросил: не поможет ли он мне?

– А ты проси у Бугрова, этот даст! Едем к нему, он на бирже в сей час!

Поехали. В шумной толпе купечества я тотчас увидел крупную фигуру Бугрова, он стоял, прислонясь спиной к стене, его теснила толпа возбуждённых людей и вперёбой кричала что-то, а он изредка, спокойно и лениво говорил:

– Нет.

И слово это в его устах напоминало возглас «цыц!», которым укрощают лай надоевших собак.

– Вот – самый этот Горький, – сказал Зарубин, бесцеремонно растолкав купечество.

С лица, измятого старостью, на меня недоверчиво и скользко взглянули маленькие, усталые глазки, веко одного из них было парализовано и отвисло, обнажая белок, расписанный красными жилками, из угла глаза, от переносицы, непрерывно стекала слеза. Зрачки показались мне мутными, но вдруг в них вспыхнули зелёные искры, осветив на секунду это мордовское лицо умильной усмешкой. И, пожимая руку мою пухлой, но крепкой рукою, Бугров сказал:

– Честь городу нашему... Чайку попить не желаете ли со мною?

В «Биржевой» гостинице, где всё пред ним склонилось до земли и даже канарейки на окнах почтительно перестали петь, – Бугров крепко сел на стул, спросив официанта:

– Чайку, брат, дашь?

Зарубина остановил какой-то толстый, красноносый человек с солдатскими усами, старик кричал на него:

– Полиции – боишься, а совести – не боишься!

– Всё воюет языком неуёмным старец наш, – сказал Бугров, вздыхая, отёр слезу с лица синим платком и, проткнув меня острыми лучами глаз, спросил:

– Слышал я, что самоуком дошли вы до мастерства вашего, минуя школы и гимназии? Так. Городу нашему лестно. И будто бедность большую испытать пришлось? И в ночлежном доме моём живали?

Я сказал, что, будучи мальчишкой, мне случалось по пятницам бывать у него на дворе, – в этот день он, в «поминок» по отце, давал нищим по два фунта пшеничного хлеба и по серебряному гривеннику.

– Это ничего не доказует, – сказал он, двигая серенькими волосами редких бровей. – За гривенником и не бедные люди приходили от жадности своей. А вот что в ночлежном жили вы, – это мне слишком удивительно. Потому что я привык думать: из этого дома, как из омута, никуда нет путей.

– Человек – вынослив.

– Очень правильно, но давайте прибавим: когда знает, чего хочет.

Говорил он солидно, как и подобало человеку его положения, слова подбирал осторожно, – должно быть, осторожность эта и делала его речь вычурной, тяжёлой. Зубы у него мелкие, плотно составлены в одну полоску жёлтой кости.

Нижняя губа толста и выворочена, как у негра.

– Откуда же вы купечество знаете? – спросил он, а выслушав мой ответ, сказал:

– Не всё в книге вашей верно, многое же очень строго сказано, однако Маякин – примечательное лицо! Изволили знать такого? Я вокруг себя подобного не видал, а – чувствую: такой человек должен быть! Насквозь русский и душой и разумом. Политического ума...

И, широко улыбаясь, он прибавил весело:

– Очень поучительно подсказываете вы купцу, как ему жить и думать надобно, о-очень!

Подошёл Зарубин, сердито шлёпнулся на стул и спросил не то – меня, не то – Бугрова:

– Дал денег?

Вопрос его так смутил меня, что я едва не выругался и, должно быть, сильно покраснел. Заметив моё смущение, Бугров тотчас шутливо спросил:

– Кто – кому?

Я в кратких словах объяснил мою нужду, но Зарубин вмешался, говоря:

– Это он не для себя ищет денег, он живёт скудно...

– Для кого же, – можно узнать? – обратился ко мне Бугров.

Я был раздражён, выдумывать не хотелось, и я сказал правду, ожидая отказа.

Но миллионер, почёсывая скулу, смахивая пальцем слезу со щеки, внимательно выслушал меня, вынул бумажник и,

считая деньги, спросил:

– А – хватит суммы этой? Путь – дальний, и всякие случаи неудобные возможны...

Поблагодарив его, я предложил дать расписку, – он любезно усмехнулся:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.